

Тик Людвиг Иоганн

Волшебный замок

Повесть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л93

Л93 **Людвиг Иоганн Т.**
Волшебный замок: Повесть / Тик Людвиг Иоганн – М.: Книга по Требованию,
2022. – 124 с.

ISBN 978-5-519-76648-7

ISBN 978-5-519-76648-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВОЛШЕВНЫЙ ЗАМОКЪ.

»Только не умничай такимъ образомъ!« вскричалъ старый Фреймундъ: »никогда нельзя разсматривать жизни, а тѣмъ менѣе располагать ею по нѣкоторымъ правиламъ. Если ты не имѣешь способности, каждый особенный случай разсматривать, какъ совершенно отдѣльный отъ его отдаленныхъ и ближайшихъ условій, искусно по обстоятельству свамъ управляешь имъ, и даешь ему направленіе, согласное съ его назначеніемъ, ты никогда не сдѣлаешься годнымъ, дѣловымъ человекомъ, и даже въ частномъ быту, будешь только прудиться надъ случайностями, не сдѣлавъ жизни своей пріятною.

— Случайность! случай! — отвѣчалъ ему Швигеръ: они по и заставляютъ насъ повсюду хлопотать. И совершенно..... Если между тѣмъ еще въ добавокъ, нѣчто.....

»Тѣфу къ чорту!« — вскричалъ Фреймундъ, у котораго въ это время выпала изъ рукъ восковая свѣча, которою онъ съ трудомъ освѣщалъ внутренность стѣннаго шкапа: — »Себастьянъ, зажги свѣчу!« .

Вошедшій слуга поднялъ съ пола свѣчу! Фреймундъ, тяжело дыша, положилъ на столъ длинную, глиняную трубку, изъ которой онъ курилъ, и погруженный въ глубокія размышленія, съелъ со вздохомъ на софу. Слуга принесъ свѣчу. Фреймундъ взялъ ее въ лѣвую руку, а трубку въ правую, подошелъ опять къ шкафу; съ трудомъ и заботливостію рылся въ бумагахъ; между тѣмъ поплъ крупными каплями капился у него со лба. Это было въ самые жаркіе дни Іюля: ему было очень трудно управлять свѣчею, выбирать правою рукою бумаги, укладывавъ ихъ другимъ порядкомъ, мелькомъ въ нихъ заглядывавъ, пересматривавъ и по крайней мѣрѣ каждую минуту поддерживавъ, трубку, которая безпрестанно угрожала выпасть у него изъ рта.

«Когда на дворѣ лѣтній лѣтній день,» сказалъ вѣжливо Швигеръ: «когда еще и солнце свѣтитъ, покапъ столъ прямо противъ окошка, и при всемъ томъ еще не хотѣтъ оснанивать трубки, тогда, съ позволенія вашего, и свѣча и все мученье, ею причиняемое, могутъ казаться излишними.»

Фреймундъ обернулся, съ изумленнымъ видомъ посмотрѣлъ, выпараща глаза, въ лице своему своему другу, съ досадою поспавилъ на столъ горящую свѣчу, и сказалъ вполонину со смѣхомъ и вполонину съ гнѣвомъ: — «Глупецъ! развѣ не могъ ты сказать мнѣ этого прежде?»

— Сказавъ Соломону, отвѣчалъ Швигеръ, который съ такою точностію все вычисленъ, и въ теченіе премудрой жизни ни о чемъ не за-

бопится, чтобъ онъ среди бѣлаго дня не употреблялъ свѣчи, значило бы позволять себѣ слишкомъ много.

— «Довольно глупо!» вскричалъ Фреймундъ: »и Себасііанъ также не напомнилъ мнѣ объ этомъ.»

— Да и къ чему? — сказалъ Швигеръ: — послушай, другъ мой, ты самый разсѣянный изъ всѣхъ людей, и всегда сердншься, когда кто нибудь хочетъ обратить твое вниманіе на эту слабость. Припомни, что ты недавно надѣлалъ, когда долженъ былъ по дѣламъ своимъ вѣхать. Проработавъ всю ночь, и сидя вопъ пѣмъ у своего стола, ты вдругъ громко и съ поспѣшностію позовалъ Себасііана, и когда спарикъ вошелъ, ты сказалъ ему: *Мы тотчасъ ѣдемъ! Посмотри, взошло ли солнце.* Себасііанъ вышелъ, чтобъ изъ другой комнаты пройти на балконъ! — Болванъ! простопили! ты всегда разсѣянъ и безполковъ! закричалъ ты. Себасііанъ возвратился въ испугъ. *На, возьми свѣчу!* Спарикъ, не измѣнялся въ лицѣ, взялъ свѣчу, уставлялъ ее прошивъ утренней зари и возвратясь, сказалъ: *Всюду ясно и свѣтло, и хотя вътеръ погасилъ свѣчу, однако жъ и въ потьмахъ можно было замѣтить восхожденіе солнца.* Не обративъ вниманія на его безвредную злобу, ты прыгнулъ въ карену, и когда прощаясь съ тобою, я просилъ, чтобъ ты не оказывалъ подобныхъ слабостей предъ своими служителями, ты обошелся со мною грубо, и въ ту жъ минуту позабылъ, о чемъ шла рѣчь. О! тебѣ довольно достается бороться съ самимъ собою, и не нужно ни какого осо-

ошняго приключенія, ни какой помѣхи, чѣмъ устранишь себя и уничтожишь весь нивон планъ.

Фреймундъ сѣлъ съ досадою. «Можно ли все и съ точностію удержатъ въ головѣ, когда бываетъ обремененъ такимъ множествомъ дѣлъ?» сказалъ онъ нахмурился. Одно погоняетъ другое; вотъ и теперь замужество моей дочери надвѣяло мнѣ ниму хлопотъ. Приданное, добрыя наставленія, опеческая пѣжностъ, имѣніе съ слѣдующее, краснорѣчіе, употребляемое для полученія ея согласія, спараніе ошврапипъ ее онъ глупой любви, и сверхъ того еще другія занятія, которыя влечутъ у меня на шею по званію королевскаго совѣтника.»

Если можно осмѣлишься напомнить тебѣ, сказалъ Швигеръ: чего ты ищешь такъ прилежно и съ такимъ нрудомъ?

Старикъ вспалъ. «Молчи съ нивонми напомнаніями!» вскричалъ онъ. «Я ищу документа на десять тысячъ шилеровъ, которые должна получить дочь моя. Если онъ пропадетъ..... а можетъ быть гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ..... но нѣтъ, онъ долженъ быть здѣсь засунутъ. Ну, поищу снова, а я было уже онянъ позабылъ объ немъ.»

Онъ началъ искать вновь и съ большимъ рвеніемъ. Скоро шкафъ былъ почти опростанъ; разбросанныя бумаги, докуменны и письма валялись по полу. Между тѣмъ Швигеръ съ удовольствіемъ сидѣлъ на софѣ, и съ величайшимъ спокойствіемъ смотрѣлъ на эту дѣятельную сумятицу. — Ка-

кой порядливый, дѣловой чловѣкъ! сказалъ онъ улыбаясь: какъ онъ, при величайшей своей поропливости, умѣетъ каждому лиспочку назначить приличное мѣсто!

— «Наконецъ! наконецъ!» воскликнулъ Фреймундъ поржесивеннымъ голосомъ: «я зналъ, что онъ здѣсь долженъ быть засунутъ. У меня порядокъ не такой, какъ у нѣкоторыхъ другихъ людей.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ намѣренъ выдать дочь свою за господина фонъ Доберна? — Ты знаешь.....

— «Все знаю!» вскричалъ съ досадою Фреймундъ, перебивъ рѣчь своего стараго друга: «она будетъ за нимъ; она должна. Онъ чловѣкъ доспашочный, значительный и сдѣлаетъ хорошую каріеру; она никого еще не любитъ, а хотѣла бъ и напропавъ, но ты знаешь мои правила опно-сительно этого предмета; по крайней мѣрѣ о молодомъ капитанѣ не должно быть и рѣчи; отецъ его смертельно меня обидѣлъ.»

Призвали слугу, чпобъ опавъ уложивъ въ шкапъ бумаги. Въ то же время явился молодой Мансфельдъ, другъ дома, очень полезный обонимъ спарикамъ; между нѣмъ неворопливый Швигеръ преспоконно смотрѣлъ на весь безпорядокъ и хлопотню, не показывая даже и виду, чпобъ онъ хотѣлъ оказать нунгъ свою помощь. Поспой-ка! поспой! вскричалъ вдругъ Фреймундъ, подай! это купчая на мое маленькое имѣніе, которую я понапрасну искалъ цѣлую недѣлю.

— На волшебный замокъ? спросилъ его Мансфельдъ, которыхъ мы должны, какъ вы сами того желали, завтрашній день освятить?

— »Да,« отвѣчалъ Фремундъ: »но, оставьте это глупое названіе, если желаете, чтобъ мы остались друзьями; онъ называется Граупенгеймъ и долженъ опять получить наслощенное старое свое названіе. Всѣ эти запѣливыя сказки, которыя хотѣли навязать этому домику, такъ же неудачно выдуманы, какъ онъ невѣроятны и нелѣпы. Это наслощая черна нашего времени: теперь любятъ подобныя глупости, которыя разсматриваются какъ нѣчто особенное, часто даже людьми не принадлежащими къ литературному кругу.»

— Позвольте, почтеннѣйшій господинъ совѣтникъ, сказалъ Мансфельдъ; намъ, молодымъ людямъ новаго, просвѣщеннаго вѣка, смотрѣть на вещи иначе, нежели какъ глядѣли на нихъ наши предки. Они довольствовались простымъ числымъ разсудкомъ, не заботясь о глубинѣ философій, и утѣшались только пустыми шутками и поверхностными изобрѣтеніями, не стараясь знакомиться съ воображеніемъ и чудесами, которыя оно производитъ. Милосердный государь! эти таинства, духовный міръ, психологія, магнетизмъ, видѣнія сомнамбулистовъ, пророческій сонъ, глубокія познанія природы и вновь открытыя ея силы,..... Позвольте, я вамъ прочту одну только повѣсть нашего замысловапаго Гофмана, и вы сдѣлаетесь совершенно другимъ человекомъ! —

— «Оставьте меня въ покоѣ!» возразилъ Фреймундъ: «у меня множество дѣлъ, и я не могу переплыть времени на повѣснѣ о привидѣнійхъ: членіе и при такой жаркой погодѣ можетъ произвестись во мнѣ дрожь. Подите къ нашимъ женщинамъ; подите лучше туда съ такими нелѣпыми разсказами.»

Молодой Мансфельдъ охотно послѣдовалъ этому совету, и съ радостію оставя угрюмыхъ стариковъ, отправился къ дочери хозяина, которая съ маньерою и одною молодою пріятельницею занималась въ прохладной садовой бесѣдкѣ женскими рукодѣльями. Онъ принялъ его ласково, потому что онъ всегда разсказывалъ имъ что нибудь новенькое, а особенно бѣлокурая пріятельница Луизы, которой благосклонность принимала почти видъ нѣжности. «Граупенгеймъ!», началъ Мансфельдъ: «теперь уже ваша собственность, и я этому очень радъ. Завтра мы всѣ отправляемся туда, чтобы торжественно вступленіе во владѣніе этимъ домомъ.»

— Мнѣ непріятна эта покупка, отвѣчала госпожа Фреймундъ: мужъ мой, уже старѣетъ и слишкомъ обременяетъ себя дѣлами; память его становится слабѣе; управленіе этимъ домомъ, большимъ имѣніемъ, и вотъ еще.....

«И къ тому же,» подхватила Луиза: «такое гнѣздо привидѣній, о которомъ идетъ самая худая молва; гдѣ ходятъ духи, случались убійства и гдѣ я буду спрашиваться даже и на минуту оставаясь одна, особенно ночью.»

— О это прекрасно! вскричала веселая Ген-

рієта, ударивъ въ ладоши: »миѣ должно поздрави-
 вить васъ, сударыня, и мою Луизу съ такимъ пріо-
 брѣтеніємъ. Я всегда желала пожити въ па-
 комъ жилищѣ, гдѣ не совсѣмъ смирно, гдѣ въ
 каждой комнаѣ, въ какойнибудь буковой бестѣ-
 кѣ, или подземельѣ приходитъ на мысль все хоро-
 шее и худое изъ романовъ Мисъ Радклифъ. Вме-
 сто того, чѣмъ спрашивать, какъ обыкновенно:
 прилепли ли ласпочки? возвратился ли англѣ
 въ старое свое гнѣздо? теперѣ будутъ освѣдом-
 ляться: показываются ли духи? часомъ ли вы дрожа-
 ли отъ страха въ эту осень? чѣмъ дѣлаетъ вашъ
 любезный, добрый домовой? показываются ли
 оплѣ съдой человечекъ? какіа шутки выдумывали
 въ этомъ году подземные духи? Нѣтъ, нѣтъ, я буду
 жить у васъ, и моя компанка должна быть какъ
 можно уединеннѣе! Тогда вечеромъ, при слабомъ
 сіяніи лампы, М^{ръ} Фельдъ прочтетъ намъ чѣмъ
 нибудь испинно ужасное; мы все спанемъ дро-
 жать, никто не захочетъ ниѣти спать; на-
 конецъ съ бѣненіемъ сердца проспимся, и я остаюсь
 одна; опускаю назадъ при видѣ собспвенной пѣ-
 ни, не смѣю снить со свѣчи или загасить ее. И
 вотъ слышится въ корридорѣ тихая походка, де-
 ревя удивительнымъ образомъ шумитъ, вдали
 глухо бѣетъ двѣнадцать часовъ..... Но при всемъ
 томъ, вы должны сказать намъ, Мансфельдъ, чѣмъ
 собспвенно заслужилъ такое дурное мнѣніе эпопѣ
 прекрасный домикъ, который находится въ такой
 прелестной сторонѣ? —

»Сущими ребяческвами,« отвѣчалъ Мансфельдъ:
 »какимъ-то пайнымъ убійствомъ, ужаснымъ про-

клятіємъ; такими обыкновенными дѣйствіями судьбы, какія мы видимъ въ соннѣ трагедій; примиреніемъ, котораго еще ожидаютъ и которое, можетъ быть, прелестная Луиза, или рѣзвая Генріетта могутъ исполнить и удовлетворить. Но, кто изъ насъ умретъ тамъ съ опчаніемъ, и кто погибнетъ въ пучинѣ страшныхъ происшествій, кшо другимъ образомъ, какъ напримѣръ, вы, почтеннѣйшая госпожа Фреймундъ, можетъ быть, будетъ умерщвленъ древнимъ книжаломъ, или оправленъ лимонадомъ, — это зависить отъ воли боговъ.»

— Нѣтъ любезный Мансфельдъ, сказала госпожа Фреймундъ съ величайшею досадою: прошу меня уволить отъ подобныхъ шутокъ. Такими вещами никогда не должно шутить; и безъ того довольно несчастій и зла случается на свѣтѣ, и не нужно ихъ накликать. Впрочемъ я всегда любопытствовала узнать, какія именно обстоятельства этого дома, или по крайней мѣрѣ, что о томъ рассказываютъ; если вамъ это извѣстно, господинъ Мансфельдъ, сообщите и намъ. Еще свѣтло, мы не суеверны, да и самое дѣло, можетъ быть, преувеличено, какъ оно и часто случается въ свѣтѣ; сильной страхъ и маловажное безъ нужды представляють себѣ ужаснымъ, и въ этомъ нѣтъ ничего мудренаго.

«Мы имѣемъ досповѣрныя свѣдѣнія,» началъ Мансфельдъ: «что посѣщеніе этого дома послѣдовало за это семьдесятъ лѣтъ предъ симъ. Вы знаете эту сторону. Надъ рѣкою возвышается холмъ, покрытый виноградомъ, между которымъ постои-

ны рожи и огородные овощи, выше лѣсъ, а посреди его прелесный домъ, извѣстный у простаго народа подъ именемъ волшебнаго замка. Въ тридцатипяти-ною войну были тамъ Шведскіе шанцы, потому что съ этого мѣста можно обстрѣливать рѣку и берегъ. По заключеніи мира, одинъ старый полковникъ построилъ нунгъ покойный домъ, и жилъ въ немъ съ своимъ семействомъ. Случилось, что дочь этого воина, молодая прелесная дѣвица, осьмнадцати или девятнадцати лѣтъ, влюбилась, не зная и сама какъ, прошивъ воли отца, въ одного молодого капитана и съ нимъ помолвилась; отецъ ея питалъ смертельную ненависть къ любовнику за то, что отецъ этого любовника, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, чувствительно его оскорбилъ и обидѣлъ. Въ это время одинъ очень богатый помѣщикъ посватался за дѣвицу, и отецъ принудилъ ее дать ему свое согласіе.

— Лунза покраснѣла; мать ея пришла въ замѣшательство; Генріета лукаво и значительно улыбалась; но Мансфельдъ, отецъ конюраго не укрывшись замѣшательство и дочери и матери, продолжалъ, по нѣкоторомъ молчаніи, повѣсть свою слѣдующимъ образомъ: »Разумѣется,« посядовало обыкновенное отчаяніе; молодой человекъ пришелъ въ бѣшенство; дочь проливала слезы; оба жаловались на судьбу, на небо; что впрочемъ всегда и во всякомъ случаѣ непримично.

— Весьма справедливое замѣчаніе, присовокупила госпожа Фреймундъ, посматривъ внимательно на дочь. Однако жъ, любезный Мансфельдъ, эта исторія не такъ-то занимательна, какъ я вооб-